

RU

Художественная репрезентация сознания подростка-аутиста в современной отечественной прозе для подростков

Свитенко Н. В.

Аннотация. Цель исследования – осмысление способов психологической интроспекции «герметичного» сознания героя-аутиста в художественном тексте. В статье анализируются особенности эстетической манифестации мироощущения подростка-аутиста в современной отечественной прозе для подростков. Обращение к повествовательной форме внутреннего монолога позволяет автору представить жизнь сознания аутиста во всей ее сложности, с максимальным приближением к особенностям аутистического мировосприятия (восприятие мира сплошным потоком информации, проблема дешифровки чужих эмоций). Научная новизна работы состоит в выявлении художественных форм репрезентации сложного типа сознания, обладателем которого является подросток-аутист, главный герой, рассказчик-повествователь, субъект речи и носитель точки зрения в повести «Моя Аника» А. Зайцевой. Полученные результаты показали, что сюжетно-композиционные и психологические функции повествовательных форм внутренней речи и потока сознания позволяют смоделировать картину мира с точки зрения подростка, обладающего специфическими особенностями мировосприятия, и, таким образом, транслировать ее читателю.

EN

Literary representation of an autistic teenager's consciousness in the modern national prose for teenagers

Svitenko N. V.

Abstract. The aim of the research is the comprehension of the ways of psychological introspection of an autistic character's "impermeable" consciousness in a literary text. In the article, the features of aesthetic manifestation of world perception by an autistic teenager are analyzed in the modern national prose for teenagers. The appeal to the narrative form of inner monologue allows the author to represent an autistic's complex consciousness as close as possible to his autistic worldview (perception of the world as a constant flow of information, the issue of decryption of other people's emotions). The scientific novelty consists in revealing the artistic forms representing an autistic teenager's complex consciousness who is the main character, narrator, speech actor expressing the point of view in the story "My Anika" by A. Zaytseva. The results showed that the plot-compositional and psychological functions of narrative forms of inner speech and stream of consciousness make it possible to model a worldview from the point of view of a teenager who has specific features of world perception and thus present this worldview to a reader.

Введение

Аутизм – один из серьезных вызовов человечеству нового тысячелетия. Этот феномен является предметом исследований не только в медико-биологическом научном поле, поскольку общие проблемы аутизации сознания вынуждают говорить гуманитариев широкого профиля – философов, психологов, социологов – об изменениях субъектности современного человека. В связи с этим актуальность исследования связана с изучением возможностей художественного слова воссоздать мышление аутиста и познакомить юных читателей с обладателем не-обычного сознания, для которого самое сложное в его модели мира – субъективная реальность другого человека.

Материалом исследования послужила повесть «Моя Аника» Александры Зайцевой (Волгоград: Перископ-Волга, 2020), вошедшая в список финалистов Международной детской литературной премии имени В. П. Крапивина в 2018 году.

Поставленная цель предполагает обращение к следующим задачам: охарактеризовать особенности аутистического мировосприятия с психолого-педагогической точки зрения, рассмотреть художественные приемы

и способы репрезентации специфической формы «герметичного» сознания, проанализировать художественные интенции «я»-повествования в избранной повести.

Метод нарративного анализа текста и методика контекстуального подхода послужили литературоведческим инструментарием для исследования автономного, самообращенного, «уединенного» в самой экстремальной форме сознания героя-аутиста и способов его художественной репрезентации.

Теоретической базой исследования послужили научные исследования психологов, социологов и педагогов, в которых представлена широкая разноаспектная аналитика аутистического расстройства личности (Рожкова, 2020; Мальгинская, 2017; Переверзева, Горбачевская, 2013), проблем обучения и социализации детей-аутистов (Сиголаева, 2009), психологической интроспекции (Кучина, 2008; Полева, 2012; Шайхутдинова, 2017) и репрезентации аутистического сознания в художественном тексте (Кук, 2015; Игонина, Павлова, Желябина, 2018).

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в школьной практике педагога-словесника, а также послужить материалом для научного обеспечения курсов по истории детской литературы.

Обсуждение и результаты

«Ментальные состояния – это внутренний опыт, репрезентация которого необходима для теоретического конструирования объяснения поведения» (Сергиенко, 2015, с. 78). Кратко изложим специфику мировосприятия героя-рассказчика, знание которого позволяет автору повести «поймать в слова» ментальное состояние обладателя аутистического сознания.

Аутист не предполагает существование другого сознания, другой точки зрения, иного взгляда – он живет в мире, где есть только один живой человек – это он сам, и он «не знает», что другой человек тоже «живой» и способен испытывать боль, страх, радость. Как любые другие дети, аутисты пытаются адаптироваться к реальности, но в силу сенсорных и когнитивных аномалий не могут «автоматически» встроиться в окружающий мир, поскольку сигналы «большой реальности» поступают к ним искаженно. Это вызывает особый, крайне затрудненный процесс адаптации к внешнему миру – аутоподобный. Ребенок-аутист обладает гиперчувствительностью: его мозг избыточно активен, перегружен, возникает сложность аналитической обработки видимой, слышимой и осязаемой информации. Возникновение гиперчувствительности нейрофизиологи связывают с «проблемой центральной когерентности» (Переверзева, Горбачевская, 2013, с. 131) – проблемой восприятия и адекватной интерпретации внешнего мира. Для аутиста основную сложность представляет процесс ценностной атрибуции в каждой конкретной жизненной ситуации – синтезирование данных из разных источников и установка причинно-следственных связей: аутоподобному сознанию сложно определить «центр» и «периферию».

В связи с тем, что когнитивная «перезагрузка» обуславливает фрагментарное и искаженное восприятие картины мира, процесс восприятия которой чрезвычайно травматичен, главный герой и рассказчик повести, тринадцатилетний подросток, пытается воспринимать как можно меньше, таким образом тренируя свою сенсорнику на минимальное восприятие внешних сигналов. Отсюда – попытка полного игнорирования реальности, абсолютной «отключенности»: Егор совсем не разговаривает, старательно избегает любых контактов, практически не выходит «в эфир», поскольку ему проще вообще ничего не воспринимать, чем тратить гигантские усилия на контакт с миром. Задача автора – художественно воплотить способы чувствования и организации мира подростка, чье своеобразие заключается прежде всего в том, что он исключительно инклюзивно воспринимает реальность. Не случайно еще одна из современных повестей о детях-аутистах называется «Переводы с языка дельфинов» (Ю. Миронова, Екатеринбург, 2015). З. Д. Асратян подчеркивает, что «именно образ автора, или в контексте лингвистической терминологии “языковая личность автора”, формирует идейный концепт произведения, носителем которого является языковая личность нарратора произведения» (2016, с. 78). «Языковое» сознание нарратора-аутиста – уже в какой-то мере оксюморон, поскольку такое сознание принципиально не языковое: чтобы думать, как аутист, необходимо забыть вербальный язык. Поэтому герой повести мыслит сенсорно, «образами», звуками, запахами. Исследователи отмечают, что в мышлении людей аутистического спектра зрительная зона первична. Это объясняет скрупулезное внимание героя к деталям происходящего в том или ином эпизоде, их удивительную осмысленность при полной хаотичности восприятия целого. Автор создает калейдоскоп вспышек-восприятий, фиксирующих абрис реального в неожиданных ракурсах, транслирующих точку зрения героя: «Временами папины мотыльки перестают порхать возле лампочки, складывают крылья в острые линии и летят в маму железными дробинами. Она отвечает тем же, да без толку – папа большой, не достать. А мама хоть и тряпичная, но кровотоцит. Я-то вижу. И начинаю голосить. Визжать. Пусть они отвлекаются на меня, все ерунда, если зажмуриться. Не терплю красный цвет, он – кровь. Красному положено быть внутри людей» (Зайцева, 2020, с. 8). Преодолевая травматичность реальности, сознание аутиста выстраивает когнитивную защиту и по-своему, глубоко субъективно интерпретирует происходящее. В повести ассоциативное мышление подростка моделируется посредством техники монтажа разноплановых феноменов и смещения привычной оптики восприятия: «Мама улыбается, словно плечет. <...> Улыбка у мамы плоская, пришитая небрежными красными стежками. Мама – Лоскутная Кукла. Пестрая, разная, сверху мягкая, а внутри – крепкий железный каркас. Хорошо, что он есть и не дает маме упасть, я не уверен, что папа поможет ей подняться. Никто не поможет. Даже те, которые иногда бывают в нашем доме. <...> ...с такими же загогулинами вместо ртов» (Зайцева, 2020, с. 5). Задача автора – вербализовать то,

что передать словами практически невозможно, вызвать ощущения, сходные с теми, которые должен был испытать герой, задача сродни поэтической – нужно словами слепить образ того, что едва наметилось в душе героя: «Я возмутился и открыл глаза, чтобы посмотреть на эту Аню-Анику. Не из-за глупостей про мумию, а от того, что она странно разговаривала. Голос высокий и немного поющий, но твердый. Особенно на буквах “м” и “г”. “Р” словно немного подрагивает, першит. А в конце каждого предложения маленькая закорючка, чуткая неуверенность. Поэтому я посмотрел» (Зайцева, 2020, с. 12).

Враждебность окружающего мира, постоянное присутствие в подсознании подростка страха перед окружающим и, как следствие, неприязни к нему – основной подсознательный фон, сквозь который по ходу развития сюжета повести будет прорасти иное видение героя. Поскольку общение вызывает у героя повести тяжелые негативные переживания, он все меньше и меньше стремится к нему. Но в любом ребенке физиологически заложено стремление к открытию нового. Ребенок с аутизмом в первую очередь ребенок, а потом – аутист, поэтому его потребность в общении так же велика, как у всех: как только судьба дарит герою человека и «тип» общения, который ему подходит, он преобразуется, и тягостная монотонная повседневность приобретает совершенно иные краски, качество и скорость проживания.

Появление живого «воробушка» среди «цикад» и «жирафов» меняет жизнь Егора – медленно, постепенно он начинает «выходить на связь» и мамина улыбка – индикатор сути происходящего для героя – преобразуется: «С ней происходило что-то странное и началось оно в черных серединках ее глаз. Искры робкие, крошечные. Они словно выплывали из густого мрака, преобразая маму. И вот к вискам потянулись тонкие морщинки, скулы и подбородок потеряли уверенность, стали беззащитными, а губы изогнулись. Совсем чуть-чуть, но это была улыбка! Настоящая, хоть и потаенная. Я даже не видел ее, а чувствовал, как иногда чувствую чужое любопытство позвонком между лопатками» (Зайцева, 2020, с. 38).

Релятивность впечатлений, восприятия того или иного объективного (для «нормального» сознания) качества, оценок и суждений – одно из основных отличий осознания аутиста. Но внутренняя речь в повести сравнительно слабо индивидуализирована – автор «выравнивает» экзотичность невербального образного мышления аутиста и эмоционально, и лексически, поскольку потенциальный читатель – ребенок или подросток, для которого нужно вернуть типичный, к сожалению, сюжет семейной драмы: «воскресный» папа, отвернувшийся родственники, отчужденные соцработники: «...хорошо, что мамин железный каркас гнется, но не ломается» (Зайцева, 2020, с. 25).

Механизмы аутистического сознания – в центре авторского внимания: автор пытается художественно воплотить изменчивые, перетекающие одно в другое состояния, возникающие спонтанно, связанные с происходящим не напрямую, а сложно, опосредованно, такие состояния принято обозначать как симультанные: «Я немного постоял рядом с мамой, а потом вытек из-под ее тревожной оберегающей тени, которая похожа на раскрытый зонт. Я всегда растекаюсь в подобных местах, плавно и беззвучно перекачиваюсь. В церкви или в кабинетах особо важных врачей. Так меня труднее рассмотреть» (Зайцева, 2020, с. 24).

Автору повести приходится решать вопрос, каким образом собирается психологическая и социальная реальность подростка-аутиста в категорию бытия от первого лица: «...в случае с нарратором-подростком, страдающим аутизмом, нарратив имеет четко выраженные языковые особенности: монотонность, лексическое однообразие, практически полное отсутствие эмоционально окрашенной лексики, частые повторы слов и целых фраз (ввиду неспособности к дейктическим заменам), очень ограниченное количество эмоционально окрашенной лексики, изобразительных средств, многочисленные детальные перечисления» (Шайхутдинова, 2017, с. 78).

Автору нужно передать особенности восприятия героя, для которого не существуют привычные контуры видимого мира, все предстает изменчивым, зыбким, пугающим, со смещенными причинами и следствиями. Это противоречие между углубленным познанием и в то же время непознаваемостью чужой души демонстрируется в характерной структуре внутреннего монолога – рассказа: «Но самое главное, ценное и удивительное мы не закапывали в землю, а носили в себе. Аника – в голове, в самой середине мыслей. Мама – чуть ниже ребер, там, где закручивается тугий узел, когда страшно. Я – в правом зрачке. Если прищурить левый глаз, то словно прицеливаешься этим зрачком. Вот где мы прятали свое важное. Наш Китай» (Зайцева, 2020, с. 28). Автор использует прием несобственно-прямой речи: мысли героя о человеке преобладают над картинками реальности, автор практически незаметен, слит с персонажем, авторские оценки тесно спаяны с внутренним монологом героя.

Кроме использования присущих герою особенностей восприятия мира, индивидуация достигается за счет сопряжения потока сознания со спровоцировавшей его ситуацией. В кульминационной точке отъезда автор передает поток сознания героя – слова кружатся, путаются, мгновенной вспышкой врывается образ Аники – и снова прикованность к боли. Движение образов – то медлительное, то впадающее в ритмически безумный галоп – становится определяющим для представления сознания персонажа. Иноформой процесса мысли подростка-рассказчика становится монтаж кадров-восприятий, создающий ощущение рваного движения или кружения на одном месте. Одна из форм «я»-повествования – внутренний монолог, контаминирующий разнонаправленные оценочные суждения, визуальные ракурсные сдвиги, смещение временных планов – наиболее репрезентативная стиливая манера представления сложного сознания героя.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Художественное исследование отчужденного сознания, вобравшего первородное ощущение страха, позволяет увидеть сокрытое – тоску героя по общению и мучительный отказ от любых контактов. Для воплощения

мироощущения иного сознания в повести востребована повествовательная форма внутреннего монолога. Автор рассматривает мысли, ощущения, психологические реакции героя детально, сквозь увеличительное стекло специфики аутистического мировосприятия, психологическая убедительность в воспроизведении нюансов чувств объясняется точным знанием физиологической природы аутиста, особенностей его воспринимающей оптики: скрупулезная осмысленность деталей при хаотичности восприятия целого. Формула рисовки аутистического сознания – объективный факт, импульсивная реакция на него, оценка увиденного, размышления, ведущие от конкретного факта к обобщениям, – очень дробные, каждый представлен одним предложением: реальность воспринимается точечно-слитно, в стилистике пуантилизма.

Смысловой «нерв» повести – жизнь сознания, причудливые переменчивые образы и настроения, которые автор тщательно исследует. Порой за ним становится практически неосязаемым «реальный» фон, и тогда повествование непосредственно приближается к границам «потока сознания». Конечно, подобный тип наррации в повести для детей максимально адаптирован к норме – иначе коммуникативный разрыв был бы экстремально авангардным. Но главная авторская задача – познакомить читательскую аудиторию с «иным» сознанием изнутри видимой им картины мира, объяснив таким образом непонятные реакции ребенка-аутиста на обыденные, казалось бы, явления повседневного существования. В связи с этим тип наррации в повести определяется системой соотношений между собственно внутренним монологом, речью рассказчика и авторской речью. Для ребят, прочитавших повесть, которая позволяет увидеть мир глазами подростка-аутиста, раскрывается смысл эпиграфа – слова «реальной» девочки, страдающей расстройством аутистического спектра: «Шар – это куб без углов и ребер».

Перспективы дальнейшего исследования представляются в более детальной аналитике способов и приемов художественной репрезентации сложных форм субъективного сознания в контексте литературоведческой и лингвистической проблематики на материале современной прозы.

Источники | References

1. Асратян З. Д. Языковая личность образа автора в художественном дискурсе // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2016. № 2 (58).
2. Игонина С. В., Павлова Т. Л., Желябина А. Г. Тема родительства в современной подростковой литературе (на примере произведения М. Хэддона «Загадочное ночное убийство собаки») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1-1 (79).
3. Кук Б. Поэтика аутизма в романе Е. И. Замятина «Мы» // Вестник Тамбовского университета. 2015. № 3 (143).
4. Кучина Т. Г. Поэтика «я»-повествования в русской прозе конца XX – начала XXI в. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, 2008.
5. Мальгинская Н. А. История развития учения об аутизме // Концепт. 2017. № 11.
6. Переверзева Д. С., Горбачевская Н. Л. Особенности зрительного восприятия у детей с расстройствами аутистического спектра // Современная зарубежная психология. 2013. Т. 2. № 2.
7. Полева М. А. Языковое сознание подростка через призму внутренней речи персонажей художественной литературы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 «Филология и искусствоведение». 2012. № 2.
8. Рожкова А. В. Теоретические основы детского аутизма: факторы, проявления, проблемы // Colloquium-journal. 2020. № 12 (64).
9. Сергиенко Е. А. Модель психического как новая исследовательская парадигма когнитивной психологии // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. № 4.
10. Сиголаева Л. М. Аутичный ребенок в подростковом центре // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 116.
11. Шайхутдинова А. М. Лингвистические характеристики ненадежности нарратора (на материале современной британской литературы) // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 4 (34).

Информация об авторах | Author information

Свитенко Наталья Вячеславовна¹, к. филол. н., доц.

¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Svitenko Natalya Viatcheslavovna¹, PhD

¹ Kuban State University, Krasnodar

¹ svitenko@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.01.2023; опубликовано (published): 28.04.2023.

Ключевые слова (keywords): современная проза для подростков; психологическая интроспекция; аутистическое сознание; внутренняя речь; поток сознания; modern prose for teenagers; psychological introspection; autistic consciousness; inner speech; stream of consciousness.